

ти и субъективное высказывание представляет ее коммуникативный аспект. Таким образом, модальность несет в себе две стороны – когнитивную и коммуникативную.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемова Е.Ю.* Психология субъективной семантики. М., 1980.
2. *Будагов Р.А.* Человек и его язык. М., 1976.
3. *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1983.
4. *Виноград Т.* К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М., 1983.
5. *Герасимов В.И.* На пути к когнитивной модальности языка // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивный аспект языка. Вып. 23. М., 1988.
6. *Кубрякова Е.С.* Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., Наука, 1991.
7. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., Энергия, 1979.
8. *Серебренников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
9. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., Прогресс, 1988.
10. *Чейф У.Л.* Значение и структура языка. М., 1975.

А.И. Анцибор
Белгородский государственный
Университет

**О ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНОСТИ,
ФИЛОСОФИИ
И ЛИНГВИСТИКЕ**

Время от времени в книгах и статьях научных журналов и энциклопедий мы встречаемся с термином, значение которого никогда не объясняется, а стыдливо предполагается общеизвестным и общепонятным. Это слово, вызывающее возмущение автора данной статьи, на самом деле не может иметь отношение к лингвистике, простительно его употреблять разве что философу, пси-

хологу, и, естественно, логопеду. Мы имеем в виду членораздельность, членораздельные и нечленораздельные языки.

От данного термина (членораздельность, членораздельный) нам необходимо полностью отказаться раз и навсегда по причине того, что это слово вообще не может считаться лингвистическим термином. Мы считаем, что это «лазутчик» философии в стане лингвистики, или маленькое уродливое наследство молодой науки лингвистики, переданное ей философией, когда философия была вынуждена уступить язык в качестве объекта исследования лингвистике. А лингвистика, будучи, как мы отметили выше, молодой наукой, кое-что ей абсолютно ненужное переняла вместе с тем, что, возможно, было ей на самом деле нужно. Дело в том, что несведущие в вопросах языка философы по незнанию уподобляли процесс овладения языком человеком древнейшего времени процессу обучения древнего человека, скажем, владению палкой или камнем в качестве орудия какой-либо деятельности (философы вслед за Энгельсом употребляют термин «трудовая деятельность»). Образцом, к которому надо стремиться, при этом, конечно же, считается наш с вами уровень владения данными предметами.

Можно, конечно, рассуждать о членораздельной речи, о неразборчивой речи, о бессвязной речи, можно писать на эту тему обширные труды (особенно если вы философ или психолог, или логопед), но это все не имеет на самом деле никакого отношения к лингвистике. Возникновением данного термина мы, как нам кажется, обязаны распространенному и закрепившемуся в умах обыкновенных людей и умах людей ученых представлению о дикарях, про которых думают, что они изначально ничего не умели, но медленно и постепенно учились делать именно то, что мы сейчас легко делаем. Движения рук и ног у них были неуверенные, угловатые, одним словом, грубые и неудачные, ведь они только учились правильному пользованию своими новоприобретенными орудиями, своими руками и ногами, оттачивали свои неловкие движения путем многократного повторения. Подразумевается, что они заранее знали, к чему стремиться, то есть они якобы с самого начала знали, как нужно, но не умели (это – ошибка, реально каждое движение, даже то, о котором мы скажем, что оно неудачное, было «высшей планкой», то есть именно тем, к чему и

стремился человек). Точно так же все обстоит якобы и с речью: человек многократно произносил разнообразные звуки, и этот нечленораздельный звуковой поток, еще не значащий ничего прототип будущего языка, был непонятен и неразборчив, то есть нельзя было что-то выделить, уловить что-то определенное, ведь человек только учился, тренировался, готовился на практике, и путем многократного повторения различных звуковых последовательностей постепенно приближался к тому состоянию, в котором находятся в отношении языка и речи современные нам культурные люди (см. цитаты из А.Г. Спиркина ниже).

Это примитивное, но, к сожалению, распространенное представление о языке древних людей, который якобы мог быть однажды нечленораздельным и мог быть, гораздо позже, членораздельным. Если человек никогда ранее не производил правильно с нашей точки зрения движения, если он его никогда ранее не видел, то как он может стремиться его воспроизвести? Если человек никогда ранее не слышал нашей с вами речи, не получал в свое распоряжение образец употребления нашего современного нам с вами языка, то как он мог путем многократных тренировок (что он вообще мог тренировать?) стремиться получить в конце концов наш с вами язык? Вообще уподобление языка и языковой способности другим способностям человека, таким как владение, скажем, палкой в качестве орудия – грубейшая, но закономерная ошибка современного человека. Мы подходим ко всему с меркой современного человека, все уподобляем себе. Древние языки никогда не были подобием современных нам языков, точнее говоря, они никогда не были тем, что мы себе так легко представляем, а представляем мы чаще всего, напрягая всю нашу фантазию, наш с вами современный язык, только урезанный во всех отношениях, то есть нами же примитивно и искусственно упрощенный современный язык. Мы по слабости ума легко представляем себе то, чего реально никогда не было. Не было никогда тренировок с многократным произношением различных незначащих сначала последовательностей звуков – позже полноценных слов и предложений, не было образцов, которым надо было подражать! Строго говоря, язык всегда, хотим мы этого или нет, является знаковой системой. Или нечто произнесенное будет языковым знаком или последовательностью таковых, или же оно не будет им

вообще, то есть полностью. Неудачного или «неловко выговоренного» сообщения с точки зрения лингвистики не бывает! Языка такого, существующего исключительно в целях тренировки (как бы вы его не называли), не было! Или мы имеем знак, со всеми вытекающими отсюда последствиями, или мы имеем не знак, который не знак на все сто процентов. Если цивилизованный европеец не смог понять, что сказал дикарь, это еще не значит, что речь дикаря нечленораздельна, он сказал то, что он хотел сказать, и другой дикарь, его соплеменник, обязательно поймет его, то есть поймет его сообщение на родном для них обоих языке (информация будет передана по назначению; см. ниже цитаты из Соссюра).

Нет членораздельных языков и нечленораздельных, точно так же, как нет совершенных языков и отсталых языков, см. например у Мейе о равноправии в смысле степени совершенства европейских языков, с одной стороны, и африканских и индейских языков, с другой стороны (Мейе, 1938: 80). Есть языки, в которых есть знаки, то есть звуки, слова, предложения, короче текст, информация, и есть, если угодно, «неязыки», то есть физиологически обусловленные и зачем-то необходимые употребления звуков, когда эти звуки и их последовательности не являются знаками понятий. Нечленораздельных языков и нечленораздельной речи не бывает, а различные патологии речи не входят в сферу интересов лингвиста! Первобытные люди говорили на вполне полноценном языке, который пусть и был во многих своих чертах непохожим на наши современные языки, но в любом случае ни один из древних праязыков никогда ни в чем не был ущербным. Знаковая система того или иного рода у человека или есть, и тогда человек обладает языком, или ее нет, что означает отсутствие какого бы то ни было языка. Язык людей буквально в каждый любой момент своего существования, на заре цивилизации, или гораздо позже, представляет собой вершину творческой мысли человека.

Что же пишут философы по поводу членораздельных языков и нечленораздельных языков? Ниже мы приведем несколько весьма характерных цитат из Спиркина, и далее одну известную цитату из Энгельса.

Вот что Спиркин А.Г. пишет о нечленораздельных языках: «Ученые установили, например, что человекообразные обезьяны шимпанзе могут произносить примерно 32 звука. При помощи этих звуков они выражают различные чувства: голод, жажду, страх, тревогу, удовлетворение. При этом каждый звук означает определенную эмоцию и связан с определенной обстановкой. ... Наблюдения и эксперименты показали, что обезьяны при помощи движений рук могут «подзывать» друг друга, «угрожать», «побуждать» к какому-либо действию, «просить» что-либо, «указывать» на предметы. Однако все эти звуки и жесты не являются речью. Ни один звук животного не обозначает какие-либо предметы, а выражает лишь эмоции, чувства» (Спиркин, 1956: 50-51). Обратите внимание, что философ Спиркин не делает различий между речью и языком, и не знает, что язык – это знаковая система (а вовсе не система названия предметов материального мира).

И вот как философ Спиркин представляет себе переход от нечленораздельной речи к членораздельной, то есть возникновение языка из нечленораздельной речи: «На ранней ступени развития человека речь была очень примитивной, нечленораздельной. Тогда не было ни слов, ни предложений. Речь возникла тогда, когда звуки стали не только выражать различные эмоции, но и обозначать те или иные предметы и выражать мысли. Чем больше развивался труд людей, тем более сложными становились их мысли. А чем сложнее были их мысли, тем отчетливее становились звуки речи. В результате постоянного упражнения развивалась гортань человека, голосовые связки, движения языка и губ. Речь стала членораздельной. Так человек постепенно научился говорить» (Спиркин, 1956: 52). Снова мы видим неразличение языка и речи, плюс очень примитивное представление о древних языках, которые вовсе не были примитивными, и полное отсутствие знаний о знаковых системах.

И вот, наконец, самая важная цитата из Спиркина, которая представляет собой квинтэссенцию представлений философов о возникновении человеческого языка: «В процессе совместной трудовой деятельности у первобытных людей постоянно возникали потребности во взаимном общении, обмене мыслями. На основе этой потребности возникла речь. Первоначально речь была при-

митивной. Люди общались с помощью нечленораздельных звуков и жестов. И только в результате длительного развития трудовой деятельности и мышления возникла членораздельная речь» (Спиркин, 1956: 73). Это, как вы видите, просто перепев известного высказывания Ф. Энгельса, которое вы можете прочесть ниже: «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим» (Энгельс, 1961: 489). Согласно Энгельсу, таким образом, сначала в мозгу возникают понятия, затем для готовых понятий подыскиваются подходящие формы. Предположим, Энгельсу это простиительно, он не мог ничего знать о знаковых системах, в его время еще никто не мог прочесть «Курс общей лингвистики» Соссюра. Но нашим современникам это уже непростительно. Поразительно беспомощны господа философы и с ними Фридрих Энгельс в вопросах языка; не будучи в состоянии постигнуть суть языка, его внутренние механизмы, то есть не имея ни малейшего представления о фонологической системе, о знаковой системе, они, тем не менее, чрезвычайно смело делают громогласные заявления и ... этим показывают свое невежество. При внимательном прочтении статьи Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» подготовленный читатель поймет, что все его (Энгельса) рассуждения по поводу языка имеют своей целью не что иное, как обоснование первостепенной важности труда на основании того, что якобы даже язык возникает исключительно благодаря труду, и никак иначе. Само название его статьи недвусмысленно говорит о том, что предметом его исследования является именно труд, а не язык. Язык используется Энгельсом лишь в качестве инструмента доказательства его положения об исключительной роли труда.

Оказывается, язык возник очень просто, согласно точке зрения философов и Энгельса; множество лингвистов работали над проблемой глоттогенеза напрасно, трудами философов они остаются без работы (если только допустить, что философы правы).

Однако же на самом деле язык возник совсем не так, как философы говорят устами Спиркина в вышеприведенных цитатах, все было гораздо сложнее. И язык никогда не был нечленораздельным. И нельзя противопоставлять друг другу языки членораздельные и так называемые «нечленораздельные», что можно увидеть, к сожалению, даже у маститых лингвистов. В статье о происхождении человеческого звукового языка в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» В.В. Иванов противопоставляет язык нашего вида и язык неандертальцев только на основании того, что первый язык якобы членораздельный, а второй – нет. И вообще по Иванову неандертальцы пользовались короткими звуковыми сигналами (отдельными звуками), а не словами и предложениями, как мы, и, значит, они якобы не обладали языком (Иванов, 1998: 108-109). Но ведь реально наш вид происходит от неандертальцев, и наш язык является развившимся языком неандертальцев, то есть простая знаковая система их языка (какой бы она ни была, хоть из простых звуков), усложняясь в непрерывном процессе развития, превратилась в нашу знаковую систему. На самом деле не было нигде точки в развитии языка неандертальцев, он продолжает жить в нашем с вами языке, точно так же, как индоевропейский праязык сейчас живет, например, в новогреческом, а латинский язык – в итальянском или французском.

Существуют ли высказывания лингвистов, противоречащие вышеприведенным мнениям Спиркина, Энгельса и Иванова? Фердинанд де Соссюр недвусмысленно пишет, что «язык не есть общественное установление, во всех отношениях подобное прочим» (Соссюр, 1999: 18). И далее он единственный из лингвистов поясняет, что такое членораздельность (членораздельная речь): «По латыни *articulus* означает «составная часть», «чле(нение)»; в отношении речевой деятельности членораздельность может означать либо членение звуковой цепочки на слоги, либо членение цепочки значений на значимые единицы; в этом именно смысле по-немецки и говорят *gegliederte Sprache*» (Соссюр, 1999: 18). Это означает, что нечленораздельных языков не бывает, не было, и не может быть. Соссюр указывает на многочисленные заблуждения, существующие потому, что о языке любят размышлять не-

специалисты: «Еще более очевидно значение лингвистики для общей культуры: в жизни как отдельных людей, так и целого общества речевая деятельность является важнейшим из всех факторов. Поэтому немислимо, чтобы ее изучение оставалось в руках немногих специалистов. Впрочем, в действительности ею в большей или меньшей степени занимаются все; но этот всеобщий интерес к вопросам речевой деятельности влечет за собой парадоксальное следствие: нет другой области, где возникало бы больше нелепых идей, предрассудков, миражей и фикций. Все эти заблуждения представляют определенный психологический интерес, и первойшей задачей лингвиста является выявление и по возможности окончательное их устранение» (Сосюр, 1999: 15). И, наконец, его пояснение по поводу того, что же такое членораздельность, будет нашим последним аргументом в нашем заочном споре с философом Спиркиным и экономистом Энгельсом: «Поток речи, взятый сам по себе, есть линия, непрерывная лента, где ухо не различает никаких ясных и точных делений: чтобы найти эти деления, надо обратиться к значениям. Когда мы слышим речь на неизвестном языке, мы не в состоянии сегментировать воспринимаемый поток звуков. Такая сегментация вообще невозможна, если принимать во внимание лишь звуковой аспект языкового факта. Лишь тогда, когда мы знаем, какой смысл и какую функцию нужно приписать каждой части звуковой цепочки, эти части выделяются нами, и бесформенная лента разрезается на куски. В этом анализе, по существу, нет ничего материального» (Сосюр, 1999: 104).

Итак, вывод этой статьи будет таков: во-первых, членораздельных и нечленораздельных языков не было и не может быть, сам термин «членораздельный» не принадлежит сфере лингвистики (однако, лингвист может исследовать, например, ассимиляцию); во-вторых, предметом или объектом исследования философии язык быть не может (язык должен исследоваться лингвистами); в-третьих, сами лингвисты, работающие над проблемой глоттогенеза, не должны заниматься построением гипотез об особенностях жизни, труда, быта первобытных людей, жилище и орудиях и тому подобное, а всерьез попытаться смоделировать процесс возникновения (и дальнейшего развития) языка, поста-

вив себя в ситуацию отсутствия языка и при этом используя только лингвистические методы, данные фонологии и семиологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В.В. Глоттогенез // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

2. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.–Л.: Соцэгиз, 1938. – 510 с.

3. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А.Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

4. Спиркин А.Г. Мышление и язык. – М.: Московский рабочий, 1956. – 76 с.

5. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. т. 20. – М.: Гос. изд-во полит-ой л-ры, 1961. – С. 489 (С. 486–499).

Т.А. Белоусова

Белгородский
государственный
университет

О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССАХ В СФЕРЕ ИМЕННЫХ ГЕНЕТИВНЫХ ГРУПП

Движение и развитие в диалектическом единстве с элементами стабильности являются существенными признаками всех естественных языков. Изменения затрагивают все сферы языка – звуковую, грамматическую, лексическую. В отличие от фонетико-фонологической системы, которая целиком относится к плану выражения языка, грамматика и лексика представляют собой системы двусторонних единиц, обладающих как планом выражения, так и планом содержания.

Яркой иллюстрацией этого развития и изменения являются синтаксические и семантические процессы в сфере генитива, в частности, в сфере именных его групп. Важность изучения генетивных отношений объясняется тем, что они относятся к цент-